

М.Г. Рыгалина

**Образные модели номинации
(на материале русских фамилий жителей
Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в.)**

M.G. Rygalina

**Image Nomination Models
(Based on the Surnames of the Residents
of Kolyvan-Voskresensk Mining District
in the End of the XVIIIth Century)**

Статья посвящена лингвокультурологическому исследованию русских фамилий, извлеченных из именных и формулярных списков Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в. Реконструируются образные модели номинации прозвищ и некалендарных имен, лежащих в основе анализируемых фамилий.

Ключевые слова: русские фамилии, лингвокультурология, образные модели номинации.

The article covers a research carried out within the framework of cultural linguistics and deals with Russian surnames taken from personal and employment registers of Kolyvan-Voskresensk Mining District in the end of the XVIIIth century. The research reconstructs image nomination models of nicknames and non-calendar names which were the basis for analyzed surnames.

Key words: Russian surnames, cultural linguistics, imagery in Nomination Models.

Изучение русских фамилий с точки зрения выявления историко-культурной информации, заключенной в их основах, уже перестало восприниматься как экзотическое направление ономастических исследований. В связи с утверждением в отечественном языкознании антропоцентрической парадигмы категория фамилии уверенно встает в один ряд с другими, более традиционными объектами лингвокультурологии, которые имеют «символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и обобщают результаты собственно человеческого сознания – архетипического и прототипического» [1, с. 36].

Основной целью лингвокультурологических исследований является, как известно, экспликация связей лингвистической и экстралингвистической реальностей, поиск обще- и этнокультурной информации в единицах языка той или иной человеческой общности.

В разных типах языковых знаков, находящихся под пристальным вниманием антропоцентрической лингвистики, содержатся специфичные лингвокультурные компоненты. Так, в центре историко-культурной информации, извлекаемой из русских фамилий, находится информация о человеке, поэтому к данным языковым единицам не в меньшей степени, чем к другим, применимо положение об антропоцентричном характере языка. В них с особенной яркостью

проступает образ человека в его дуализме: с одной стороны, объективная данность тех или иных характеристик именуемого, с другой – субъективный взгляд на эти характеристики творческого сознания номинатора (по большей части, коллективного) с его аксиологическими установками, индивидуальной и национальной картинами мира, которые отражаются в выборе средств номинации.

Однако не все русские фамилии являются одинаково информативными с точки зрения содержания в их основе историко-культурных компонентов. Наиболее ценными в этом смысле фамильными основами представляются некалендарные и прозвищные именованья, которые составляют огромный языковой пласт, хранящий в неприкосновенности особенности самых разных сторон жизни русского человека, его бытовой, общественной, профессиональной, коммуникативной включенности в контекст истории, а глубже – национальные мифологемы, ценностные ориентиры, ментальные установки.

Прозвища возникали в сфере бытовых контактов внутри коллектива людей, обладавшего языковым и культурным единством, общностью эстетических и морально-этических ценностей. Основной функцией прозвищ является ярко выраженная характеристика, ослабляющая действия номинативной, идентифицирующей и других функций, в обязательном порядке

присутствующих в любом типе именованья. Данный тип номинативных средств выражает экспрессивную и чаще всего негативную оценки внешних и внутренних качеств человека, его поведения и образа жизни [2, с. 6–7], что является следствием общечеловеческого лингвокогнитивного процесса маркирования языковыми средствами любого отклонения от нормы. Национально специфичной в именовательном акте может быть мотивация выбора средств номинации, обусловленная глубинными ментальными образами, которые лежат в основе этнического самосознания.

Специфика некалендарных личных имен, возникших в глубокой дохристианской древности и сохранившихся до сих пор лишь в основе некоторых русских фамилий, состоит в «обязательной конкретной наглядности, зримости образа», который они заключали в своей основе [3, с. 191]. Этот вид именования не отражал конкретных признаков именуемого и, скорее всего, был связан с верой в сакральность имени, его магические функции – дезидеративную (пожелательную) [4, с. 133–134] и охранительную [5], выступавшие в совокупности. Предположительно некалендарные имена давались с целью причисления именуемого к оберегающему или представляющему угрозу тотемному животному или растению, природному явлению, предмету или продукту труда, для того чтобы оно считало носителя имени «своим» и обеспечило ему покровительство либо не посягало на него.

Сложный методологический вопрос о функциональном разграничении прозвищ и некалендарных имен, бытовавших на Руси до принятия христианства и сохранившихся в языке до сих пор лишь во внутренних формах многих русских фамилий, подробно изложен в работе И.А. Королевой «Происхождение фамилий и отчеств на Руси» [6, с. 25–36]. Разграничение данных языковых явлений на уровне основ русских фамилий тем более представляется затруднительным, поскольку большинство из них являются омонимами (ср., например, многочисленные зооморфные именованья, заключенные в фамилиях *Медведев*, *Волков*, *Зайцев*, *Белкин* и другие, каждое из которых может быть прозвищем и иметь соответствующую мотивировку номинации или некалендарным именем, дававшимся по народной традиции и вписывающимся в мифологический контекст). Однако для лингвокультурологического анализа русских фамилий нет, на наш взгляд, принципиальной необходимости в жестком различении запечатленных в них прозвищ и некалендарных имен, так как в основе и того, и другого вида номинации чаще всего лежит образ, интерпретация которого и является конечной целью настоящего исследования.

Под понятием образа в современной лингвистике подразумевается «целостное представление о некотором предмете, явлении, который бессознательно или осознанно возникает в ментальном пространстве

носителей данного языка и данной культуры путем его соотнесения с представлением о другом предмете, явлении, уже существующем в коллективном и/или индивидуальном сознании и речевой практике говорящих на данном языке» [7, с. 169]. Для анализа образных структур обычно не имеет значения тот факт, «в какое конкретное историческое время возникла та или иная номинация», поскольку здесь оказываются наиболее важными «ассоциации, сложение гармонизирующих друг с другом идей» [7, с. 170]. Для уяснения значимости того или иного образа в национальном языке и культуре в центре внимания оказывается процедура отслеживания регулярности и продуктивности мотивационных моделей образных номинаций, реконструирование лингвокультурологического контекста, в условиях которого активно создавались и воспроизводились данные мотивационные модели [8, с. 119].

Среди русских фамилий жителей верхнеприобских слобод Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в., являющихся объектом данного исследования и извлеченных путем сплошной выборки из официально-деловых документов Центрального хранилища архивных фондов Алтайского края (более 1500 разнокорневых лексем), содержатся фамилии, заключающие в себе образный компонент и восходящие к апелляциям различных лексико-семантических групп. Основанием тематического распределения основ изучаемых русских фамилий послужила классификация образного антропонимического материала по сферам отождествления, представленная в монографии М.Э. Рут «Образная номинация в русской ономастике» [9].

Вслед за М.Э. Рут мы выделяем пять сфер, по которым распределяются образные именованья, лежащие в основе исследуемых фамилий, по мере удаления от личностного пространства субъекта номинации: «Дом и двор», «Деревня», «Поле, луг», «Окружающая природа», «Внешний мир» [9, с. 70–71]. Каждая из сфер содержит ряд образных моделей номинации, распространенность и регулярность которых указывают на уровень значимости того или иного образа в жизни русского человека на момент образования большей части русских фамилий, принадлежащих крестьянству как самому многочисленному социальному слою Российского государства конца XVII – начала XVIII в. (около 90% всего населения страны).

Так, в сфере отождествления «Дом и двор (неодушевленные предметы)» по исследуемому материалу можно реконструировать такие основные образные модели номинации, как наименования человека по названиям: 1) блюд, напитков, продуктов питания; 2) тканей, одежды, обуви; 3) хозяйственных объектов и принадлежностей, а также восстановить национальный лингвокультурологический контекст, являющийся одним из важнейших внутренних мотивов создания

по данным моделям многочисленных образных именовании.

1. *Наименования человека по названиям продуктов питания, блюд и напитков.* В основе данной образной модели лежат следующие группы образов: *хлебные изделия (в том числе тесто); национальные блюда (каши, похлебки и др.); ритуальные и обрядовые блюда; напитки (в том числе хмельные); овощи, фрукты, орехи, злаки.* Семантическая расчлененность образов продуктов питания, запечатленных в многочисленных русских фамилиях, свидетельствует о несомненной значимости первых в бытовом и сакральном контекстах русской культуры. В именовании данной группы ярко отразилась уникальность «пищевого кода» русской культуры, задающего направление национальной и территориальной самоидентификации, поскольку большая часть блюд, названия которых отражены в основе изучаемых фамилий, являются обрядовыми и ритуальными предметами культуры восточных славян. О хлебоцентризме русской «гастрономической» культуры могут говорить многочисленные «хлебные» метафоры, представленные в изучаемых фамилиях, например: **Калачев** от **кала'ч**, **Квашнин** от **квашня'** – «тесто, опара» (мурм., новг., пск., ворон., курск., урал., омск., новосиб. и др.) [10, с. 164], **Опарин** от **опа'ра** – «кислое тесто» (ворон., курск., тул., яросл., горьк., перм., курган., новосиб., иркут.) [11, с. 236] и др. О популярности традиционных русских блюд свидетельствуют фамилии: **Баландин** от диал. **бала'нда'** – «ботвинья» (ряз., тамб., симб.), «холодец из заквашенного на луке отвара свекольной или иной ботвы, с окрошкой» [12, с. 63–65], **Густокашин** от **густа'я ка'ша**, **Гущинов** от **гу'ща** – «саламата» (урал., новг.), «каша из ячменя» (пск., новг., волог.) [13, с. 250–251] и т.д. Кроме того, в основах фамилий нашли отражение названия различных ритуальных блюд: ср. **Блинов** от **блин**, **Киселев** от **кисе'ль**, **Молюков** от **молоко'** и т.д.

Метафорический перенос в описанной группе образов основан на различных свойствах предметов, названия которых использовались для создания некалендарных имен и прозвищ: мотивирующими признаками здесь чаще всего являются цвет продукта, его форма, размер, консистенция, функциональные особенности, представленные, как правило, в нерасчлененном виде. Однако чаще всего в данной группе наблюдаются отсутствие единого мотивационного признака, а также сложность однозначной интерпретации семантических переносов рассматриваемых образных номинаций. Одной из причин этого может являться тот факт, что многие из подобных номинаций представляют собой образования не метафорического, а метонимического характера, т.е. наименования «по продуктам питания» могли даваться людям, имевшим особое пристрастие к тем или иным блюдам либо занимавшимся их изготовлением и продажей.

2. *Наименования человека по названиям тканей, одежды, обуви.* В основе данной образной модели выделяются следующие группы образов: *ткани; головные уборы; предметы верхней одежды; предметы обуви; старая, изношенная одежда.* Содержательное разнообразие перечисленных образов, легших в основу анализируемых фамилий, свидетельствует о несомненной значимости одежды в традиционной русской культуре. В народном мировосприятии она «выступает как противоположность нагоде по признаку “культура – природа” и идентифицирует человека по этническим, половым, возрастным, ритуальным и другим признакам» [14, с. 337]. Однако, как отмечают исследователи, разные части костюма имеют различную функциональную нагрузку. Об особой социальной и обрядовой значимости головного убора свидетельствует многообразие фамилий, заключающих в своей основе образное именование по названию данного предмета одежды: **Кибалин** от **ки'бала** – «холщовая шапочка, которую замужние крестьянки носили под платком» (арх.) [10, с. 193], **Колпаков** от **колпа'к** – «остроконечная мягкая шапочка» (арх., смол.) [15, с. 192–193], перен. «вялый, глуповатый человек, простак» [16, с. 735], и др. Важную роль в народных верованиях играла одежда из шерсти и меха, наделенная хтоническими и продуцирующими значениями, что находит отражение в основах многих русских фамилий: **Кафтанской** от **кафта'н** – «верхняя шерстяная одежда» (новг.) [10, с. 139], **Тепляков** от **тепля'к** – «женская шубка на заячьем меху» (сиб.) [12, с. 124–125], **Шубин** от **шу'ба** – «верхняя просторная меховая одежда» [17, с. 977–978], перен. «полный, неповоротливый человек» (карел.) [5, с. 621–622], и др.

Однако особая близость предметов одежды человеку, зачастую даже взгляд на нее как на часть тела человека, его продолжение или двойника [14, с. 338], а также сложность выделения мотивационного признака метафорического переноса позволяют говорить об условном (для некалендарных имен) или метонимическом (для прозвищ) характере номинации, т.е. именовании данной группы чаще всего могли даваться людям, имевшим особое пристрастие к тому или иному виду одежды или занимавшимся их изготовлением и продажей.

3. *Наименования человека по названиям хозяйственных объектов и принадлежностей.* В основе данной образной модели содержатся следующие группы образов: *домашняя утварь; посуда, емкости; хозяйственные мелочи; орудия труда, инструменты; лошадиная упряжь; хлам, старье, остатки.* Культурологическая значимость перечисленных образов неоспорима, поскольку именно предметы быта создавали космос русского крестьянина, его жизненное пространство. За каждым из предметов, входящих в выделенные группы, были закреплены определенные культурные значения, вписывающие

этот объект в контекст традиционных воззрений и обрядов. Так, многочисленность русских фамилий, в основе которых лежат названия посуды, всевозможных емкостей и мешков, подтверждает особую мифологическую значимость данных предметов, наделавшихся в народных поверьях женской символикой и выполнявших в обрядах продуцирующие функции: **Балдаков** от диал. **балда'к** – «кубок, большой стакан» (симб.), «прозвище» (прибайк.) [18, с. 80], **Коробков** от **коробо'к** – «плетеный сундук, кузов или ящик» (новосиб., тобол., том., краснаяр., сиб., арх., вят., яросл., сарат., вост., перм., свердл., урал.), **ко'роб** – перен. «полный, тучный человек» [15, с. 347], и др. Не меньшую важность в качестве основных магических атрибутов участников различных ритуалов имели предметы домашней утвари и орудия труда, напоминающие посох, палку. Об этом свидетельствует большое количество фамилий, в основе которых запечатлены названия данных объектов: **Костылев** от **косты'ль** – «искусственная деревянная нога» (ряз.), перен. «худой, костлявый человек» [19, с. 85], **Ожегин** от **о'жега** – «кочерга» (олон.) [11, с. 74], **Палкин** от **па'лка** и др. Названия малофункциональных остатков жизнедеятельности человека, мусора, являющихся в верованиях и магии славян атрибутом дома, символом жилища и его обитателей, положены в основу таких фамилий, как **Отрепов** от **отре'п** – «отрепки (льна, пеньки)», «пакля» (олон., ленингр., калин., новг., вост.-каз., вят.), **отр'еп** – «обрывок, тряпка» (арх.), «оборванец» (арх.) [20, с. 293], **Ощепков** от **още'пок** – «большая щепка, кусок, отколовшийся от полена» (сев.-двин., перм.), «осколок» (костром.) [21, с. 102] и др. Многочисленность и разнородность образов, входящих в данную номинативную модель, позволяют выявить и разнообразие мотивационных признаков, на основе которых осуществлялся тот или иной метафорический перенос. Так, от лексем,

обозначающих предметы посуды, емкости, мешки и метафорически переосмысленных, образовались многочисленные прозвища людей, указывающие на невысокий рост называемых, их полноту, большой, непропорциональный живот. Напротив, названия предметов домашней утвари и орудий труда, имеющих вытянутую по вертикали форму и небольшой размер в диаметре, легли в основу именовании, характеризующих людей высокого роста, отличающихся худобой и костлявостью. Для большей части образов, положенных в основу метафорических именовании данной модели, сложно выделить единый мотивационный признак, они имеют, как правило, нерасчлененный мотив номинации. Например, в образных номинациях по названиям различных вещей, вышедших из активного употребления, ненужных частей предметов, остатков при обработке материалов чаще всего воедино слиты качества внешнего вида человека (некрасивость, неаккуратность, нечистоплотность), его интеллектуальные (глупость, бестолковость, недалекость) и социальные (ущербность, ничтожность, невостребованность) характеристики. Данный факт ярко иллюстрирует такое важнейшее свойство всякой образной структуры, как цельность, синкретизм ее восприятия.

Таким образом, лингвокультурологический анализ русских фамилий жителей верхнеприобских слобод Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в., образованных от метафорических именовании, позволяет эксплицировать скрытые в них этнокультурные и универсальные мифологические образы, а также на основе тезиса антропологической лингвистики о том, что «чем важнее в культурном отношении понятие, тем больше и детальнее оно параметризовано» [22, с. 45], направить исследование на выявление базовых ценностей русской народной культуры в период активного формирования антропонимической системы русского языка.

Библиографический список

1. Маслова В.А. Лингвокультурология : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М., 2001.
2. Бахвалова Т.В. Выражение в языке внешнего облика человека средствами категории агентивности. – Орел, 1996.
3. Черемисина Н.В. О путях изменения значения слов и некоторых лексико-семантических законов в диахронии языка // Семантические единицы русского языка в диахронии и синхронии. – Калининград, 2000.
4. Новикова О.Н. Реализация категории желательности в антропонимии // Теория поля в современном языкознании : сборник статей. – Уфа, 2002.
5. Кюршунова И.А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. – СПб., 2010.
6. Королева И.А. Происхождение фамилий и отчеств на Руси. – Смоленск, 1999.
7. Лукьянова Н.А. Когнитивные источники образных слов // Сибирский филологический журнал. – 2003. – №3–4.
8. Толстая С.М. Мотивационные семантические модели // Русский язык в научном освещении. – 2002. – №1(3).
9. Рут М.Э. Образная номинация в русской ономастике. – М., 2008.
10. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – Вып. 13. – Л., 1977.
11. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – Вып. 23. – Л., 1987.
12. Житников В.Ф. Фамилии уральцев и северян. – Челябинск, 1997.

13. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – Вып. 7. – Л., 1972.
14. Славянская мифология : энциклопедический словарь / под ред. С.М. Толстой. – М., 2002.
15. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – Вып. 14. – Л., 1978.
16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 2 т. – М., 2002. – Т. 1.
17. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 2 т. – М., 2002. – Т. 2.
18. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – Вып. 2. – М. ; Л., 1966.
19. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – Вып. 15. – Л., 1979.
20. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – Вып. 24. – Л., 1989.
21. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – Вып. 25. – Л., 1990.
22. Вендина Т.И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // Вопросы языкознания. – 2002. – №4.